Р.Л. Хачатуров, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
«История государства и права»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: ответственность; обычай; нравственность; религия; табу; кровная месть; обычное право; право.

Аннотация: Рассматриваются условия происхождения нравственной ответственности и юридической ответственности как виды социальной ответственности в процессе возникновения и развития человеческого общества. Дается характеристика табу и обычаев родового строя, трансформация обычаев в обычное право. В связи с возникновением религиозной ответственности приводится текст «Книги мертвых», предусматривающей загробный суд, который устанавливал виновность и меры наказания умершего. Первые законодательные акты, принятые государством на ранней стадии его развития, представляли собой свод обычаев родового строя.

Образно говоря, «право начинается с ответственности». Когда возникла ответственность как социальное явление? Большинство ученых на этот вопрос давали следующий ответ: ответственность как социальное явление и средство общественного регулирования появилась вместе с зарождением человеческого общества. В доклассовом обществе постепенно складывались обычаи и нормы морали, регулирующие первобытнообщинные отношения. Генезис ответственности исследовался в основном в период разложения родового строя и формирования классового общества. На этом рубеже истории человечество уже имело механизм регулирования общественных отношений, развивался институт ответственности нравственной.

Истоки нравственности связаны с формированием человека как разумного социального существа, поэтому для выяснения вопроса об условиях и обстоятельствах происхождения нравственности историки обратились к древнейшему прошлому человеческого рода.

Человеческий род существует на нашей планете около двух миллионов лет. Этнография, археология, палеоантропология по крупицам собрали и обобщили источники о том, как возникали нравственные отношения и ответственность как социальное явление. Эти отношения складывались очень медленно, являлись результатом длительного процесса.

Историки приводят убедительные доказательства, что труд по изготовлению орудий особым образом организовывал психику древнейших гоминоид, развивая в головном мозге те структурные подразделения, которые контролируют внимание, сдержанность, самодисциплину – то есть те качества, которые необходимы для подавления агрессивности и выработки социального поведения индивида [1, с. 35]. Нам кажется, что эти же качества необходимы и для возникновения ответственности.

Значительный интерес представляют данные Я.Я. Рогинского [2, с. 185] относительно психологии древнейших гоминоид, связанных с поведением индивида в стаде. По мнению автора, взаимопомощь была развита в неандертальских коллективах (современная территория ФРГ, более 200 тысяч лет назад). Взаимопомощь исключала из жизни неандертальцев уничтожение одних индивидов другими, ибо коллектив изгонял или убивал тех особей, чьи эгоистические устремления были вредны для стада. Постепенно в этом коллективе накапливались такие свойства, которые были необходимы для укрепления социальной жизни.

На уровне первобытного человеческого стада внутри стада постепенно начали складываться такие динамические стереотипы поведения, которые можно рассматривать как эмбрионы последующих нравственных отношений. К числу первичных стереотипов поведения у неандертальцев относятся: добросовестный труд, подчинение старшим, охрану детей, дружбу и взаимную привязанность индивидов стада [1, с. 68].

Известно, что первобытнородовой строй складывался по материнской линии. Матриархат охватывает исто-

рический период продолжительностью около 40 тыс. лет; его начало восходит к древнему каменному веку. В матриархальном обществе было уважительное отношение к женщине, убийство матери или покушение на материнское достоинство считалось тягчайшим проступком, не подлежащим прощению [3, с. 44].

При материнском родовом строе сформировалась нравственная ответственность соблюдения экзогамии, то есть строгой обязанности не вступать в брак внутри рода. Виновных мужчин публично подвергали жестоким мучениям и вешали, а виновных женщин живыми сжигали на кострах. Если нарушенное родство было менее близким (например, сожительством с двоюродной сестрой), наказание ограничивалось изгнанием из рода [4, с. 60–61]. Изгнание виновного из рода в большинстве случаев заканчивалось тоже смертью.

При родовом строе была создана хорошо продуманная система воспитания (ответственности в том числе) подрастающего поколения. Суть этой системы состояла в том, что по достижении определенного возраста мальчик должен был пройти учебные занятия и испытания на выносливость и волю, постигнуть и воспринять традиции рода и племени. Особое внимание уделялось воспитанию дисциплины, безупречному повиновению старшим, соблюдению обычаев и нравственных правил. У разных народов воспитание продолжалось от нескольких месяцев до полутора-двух лет [1, с. 68].

Жизнь первобытного общества была регламентирована положительными предписаниями и запретами, система которых в исторической литературе получила название «табу».

В.Ф. Зыбковец свел многочисленные табу в следующие 10 групп:

1. Защита трудовой деятельности.
2. Защита огня и жилища.
3. Сбережение орудий труда и оружия.
4. Защита слабых – женщин, детей и стариков.
5. Охрана вождей и жрецов.
6. Защита от опасностей.
7. Защита от опасностей, связанных с употреблением некоторых видов пищи.
8. Ограничения относительно отдельных видов пищи.
9. Запреты и ограничения, связанные с браком, половым актом, родами и т. п.
10. Защита общественной и личной собственности.

Для характеристики того, насколько табу связывало волю и сознание человека первобытной формации, этнографы приводят многочисленные факты.

Вождь одного из племен Новой Зеландии бросил в пути остатки своего обеда. Проходивший юноша съел их. Едва он кончил трапезу, ему сказали, что он съел запрещенный обед вождя. Услышав это сообщение, юноша упал на землю, у него начались мучительные судороги, и вскоре он умер. Зажигалка вождя маори погубила несколько его соплеменников. Вождь потерял ее, соплеменники нашли ее и пользовались ею. Узнав, кому принадлежит эта зажигалка, они скончались от страха [5].

По мере разложения первобытнообщинного строя, пишет С.С. Алексеев, стали формироваться «специфические способы регулирования, которые явились промежуточными образованиями между нормами первобытнообщинного строя и правом. Одним из таких промежуточных образований явилась «система табу», а затем общинное право (соответствующее во многих случаях особой стадии в процессе возникновения государства – военной демократии)» [6, с. 18–19].

На соответствующих этапах развития тотем был всеобщим принципом родовой организации у всех народов без исключения. В отличие от поздних социально-правовых запретов, подчеркивает Ю.М. Бородай, опирающихся на принуждающую силу государства, табу первобытных людей – это прежде всего самоограничение, действующее изнутри [7, с. 199]. Страх перед непонятными силами и стихийная привычка, пишет Е.М. Пеньков, – вот, что обеспечивало безотказное действие обычаев и табу. «Табу, по существу, выступало единственным элементом механизма регулирования действия людей» [8, с. 14].

Представляет значительный интерес табу на кровосмешение – запрещение сексуальных отношений между некоторыми категориями родственников, обычно близких по крови. Некоторые формы обнаруживаются во всех известных обществах, хотя связи, подпадающие под табу, видоизменяются. Чаще всего это связи между детьми и родителями, братьями и сестрами. В одних обществах активно поощряются сексуальные отношения между кузенами, а в других они считаются кровосмешением.

Для универсальности некоторой формы табу выдвигались различные объяснения. Одно из них – ныне известные генетические последствия. Запреты существовали для того, чтобы люди заключали браки за пределами своей социальной группы и тем самым формировали союзы с другими социальными группами.

Ввиду разнообразия способов, которыми выражается табу, акцент на универсальности, а следовательно, на универсальных объяснениях, вероятно, не уместен. Более плодотворная линия исследования – ответ на вопрос: почему определенные общества обозначают как кровосмесительные именно одни, а не другие связи [9, с. 314–315].

Правила поведения, сформированные и закрепленные в табу, осознавались первобытным человеком как непреложные правила, нарушение которых влечет за собой тяжчайшие последствия.

В период матриархата индивид в процессе нравственного воспитания получал двойную нравственную ориентацию, и соответственно у него формировалась такая же (двойная) позитивная ответственность. Послушание, скромность, ответственность были обязательными нормами поведения индивида только среди сородичей и соплеменников, за пределами же рода и племени, в отношениях с чужими, действовали совершенно иные принципы и нормы: подозрительность, злобность, мстительность.

Из сказанного следует, что индивид родового общества воспитывался одновременно в полярно противоположных нравственных принципах, следовательно его нравственность и ответственность в содержательном отношении не имеют однозначной оценки.

Большой интерес для исследования истории становления социальной ответственности имеет древнейший обычай кровной мести, возникший для регулирования межродовых и межплеменных отношений.

Кровная месть существовала у всех народов мира. Всечеловеческий характер кровной мести объясняется не только системой воспитания родового общества, но и необходимостью – другого способа защитить жизнь и свободу не существовало. Обязанность мести – это высокий нравственный, а с появлением религии, и религиозный долг, забвение которого порождает изгнание из рода и, наоборот, месть влечет за собой общий почет.

Для защиты своей безопасности отдельный человек полагался на покровительство рода и мог рассчитывать

на это. Тот, кто причинял зло представителю данного рода и племени, причинял зло всему роду и племени.

У ирокезов, если члена рода убивал кто-нибудь из чужого рода, весь род убитого был обязан ответить кровной мстью. Сначала делалась попытка к примирению: совет рода убийцы собирался и делал совету рода убитого предложение покончить дело миром, предлагая значительные подарки. Если предложение принималось, то дело считалось улаженным, в противном случае назначался один или несколько мстителей, которые обязаны были выследить и умертвить убийцу. Если это выполнялось, род убитого не имел права жаловаться – дело признавалось поконченным.

У арабов месть считалась доблестью, мстителей восхваляли в песнях, а отказ от мести считался позором.

У древних германцев месть была обязанностью наследников убитого: они не могли получить наследство, пока не отомстят за убийство родственника.

Кровная месть существовала у евреев: ближайший родственник убитого, который обязан был мстить, считался опозоренным до тех пор, пока ему не удавалось отомстить.

У исландцев убийство оскорбителя считалось необходимым для поддержания достоинства рода, но вражда должна была вестись открыто и иметь известные пределы.

Обычай кровной мести имел широкое распространение у народов Кавказа и Закавказья.

Еще сто лет назад на протилии крови была построена сложная система нравственных и юридических отношений Дагестана. Пролита родная кровь – и все, в чьих жилах течет хоть капля той же крови, призываются обычаем к кровной мести, чтобы успокоить неотомщенную память убитого родственника.

Однако не всякое убийство вызывало кровную месть. Разбойник, нападающий из засады ради грабежа, оскорбитель женской чести, застигнутый в объятиях жены, сестры, дочери или матери, убиваются горцем без ответа, без права возмездия со стороны убитого. По обычаю, убийца «выходит в канлы», то есть удаляется в искупительное изгнание из своего селения. Чтобы не отвечать за убийцу, его родственники немедленно должны внести установленную пеню родным убитого.

Через несколько лет «канлы» могут просить о примирении. Если все родственники убитого, мужчины и женщины, согласятся простить убийцу, то устраивался пир с подарками.

После каждого убийства между родственниками убитого и родственниками совершившего убийство возникало право мести, которое нередко переходило от одного поколения к другому.

В селении Гадар кровная месть между двумя родами, начавшаяся из-за убийства в ссоре за курицу, длилась более 200 лет [10, с. 78].

После нескольких тысячелетий существования кровная месть постепенно стала ограничиваться, смягчаться и заменяться выкупом.

Трансформация обычаев в правовые обычаи. Юридическая ответственность в обычном праве. В период возникновения родового общества социальный механизм регулирования общественных отношений был чрезвычайно прост: действия отдельных людей и их общностей регулировались привычками. Механизм регулирования усложнился, когда вместе с развитием производства человек превратился в сознательного субъекта общественных отношений и приобрел способность оценивать свои поступки. Единственным регулятором общественных отношений был обычай, соблюдение которого обеспечивало внутри рода необходимый порядок, а в случае его нарушения применялись меры общественной ответственности.

Возникновение обычая является длительным и сложным процессом, так как обычаи складываются на осно-

ве многократного повторения фактических отношений. Возникнув, обычаи живут долго и имеют консервативный характер, они сохраняются в качестве доставшихся «по наследству» регуляторов общественных отношений и общественной ответственности.

Правовой обычай исторически был первым источником права. Первые законодательные акты, принятые государством на ранней стадии его развития, представляли собой свод обычного права. Международное право формировалось также на основе межплеменных обычаев, к числу таких обычаев относятся неприкосновенность представителей другой стороны, верность данному слову и ряд других правил поведения.

В родовом обществе у всех народов обычаи и нравственность находились в тесной связи, а с возникновением и развитием религии сложились воззрения, что обычаи являются заветами богов, поэтому нарушение обычая – проступок против бога. В связи с возникновением религиозной ответственности представляет значительный интерес т. н. «Книга мертвых», которая представляет собой своего рода руководство для умершего, который после смерти попадает в загробный суд. Загробный суд вершит коллегия из 42 богов, каждый из которых заведует определенным грехом. Умерший предстает перед ней с речью, которая содержит перечень воздержаний, свидетельствующих о его добродетельном и послушном поведении. Считалось, что на суде на одной чаше весов взвешивается сердце умершего (вместилище результатов земных деяний), а на другую чашу помещается легчайшее перо богини порядка и справедливости Маат (перо Истины). Солгавшего ожидает немедленное наказание в присутствии 42 богов – его сердце съедает чудовище Амт (Пожирательница), тем самым лишая покойного возрождения на том свете, в стране блаженства, очень похожей на Египет.

Глава 12

Загробный суд Осириса

(Введение)

Привет тебе, великий бог, Владыка Двух Истин! (...)

Я знаю тебя, я знаю имена сорока двух богов, пребывающих здесь, на великом Дворе Двух Истин, – они поджидают злодеев и пьют их кровь в день, как предстанут злодеи на суд Уннефера. Вот, я знаю вас, Владыки справедливости! К вам прихожу со справедливостью, ради вас отринул несправедливость.

(Первая оправдательная речь умершего)

1. Я не чинил зла людям.
2. Я не нанес ущерб скоту.
3. Я не совершил греха в месте Итины.
4. Я не творил дурного.
5. Имя мое не коснулось слуха кормчего священной лады.
6. Я не кощунствовал.
7. Я не поднимал руку на слабого.
8. Я не делал мерзкого пред богами.
9. Я не угнетал раба пред лицом его господина.
10. Я не был причиной недуга.
11. Я не был причиной слез.
12. Я не убивал.
13. Я не приказывал убивать.
14. Я никому не причинял страданий.
15. Я не истощал припасы в храмах.
16. Я не портил хлебы богов.
17. Я не присваивал хлебы умерших.
18. Я не совершал прелюбодеяния.
19. Я не сквернословил.
20. Я не прибавлял к мере веса и не убавлял от нее.
21. Я не давил на гирию.
22. Я не плутовал с отвесом.
23. Я не отнимал молока от уст детей.
24. Я не сгонял овец и коз с пастбища их.
25. Я не ловил в силки птицу богов.
26. Я не ловил рыбу богов в прудах ее.

27. Я не останавливал воду в пору ее.
28. Я не преграждал путь бегущей воде.
29. Я не гасил жертвенного огня в час его.
30. Я не пропускал дней мясных жертвоприношений.
31. Я не распугивал стада в именах бога.
32. Я не чинил препятствий богу в его выходе. (...)
(Вторая оправдательная речь умершего)
1. О Усех-немтут, являющийся в Гелиополе, я не чинил зла!
2. О Хепет-седежет, являющийся в Хер-аха, я не крал!
3. О Денджи, являющийся в Гермополе, я не завидовал!
4. О Акшут, являющийся в Керерт, я не грабил!
5. О Нехехау, являющийся в Ра-Сетау, я не убивал!
6. О Рути, являющийся на небе, я не убавлял от меры веса!
7. О Ирти-ем-дес, являющийся в Летополе, я не лицемерил!
8. О Неби, являющийся задом, я не святотатствовал!
9. О сед-кесу, являющийся в Гераклеополе! Я не лгал!
10. О Уди-Несер, являющийся в Мемфисе, я не крал съестного!
11. О Керти, являющийся на Западе, я не ворчал попусту!
12. О Хеджи-ибеху, являющийся в Фаюме, я ничего не нарушил!
13. О Унем-сенф, являющийся у жертвенного алтаря, я не резал коров и быков, принадлежащих богам!
14. О Унем-бесеку, являющийся в подворье 30-ти, я не захватывал хлеб в колосьях!
15. О Владыка Истины, являющийся в Маати, я не отбирал печеный хлеб!
16. О Тенми, являющийся в Бубасте, я не подслушивал!
17. О Аади, являющийся в Гелиополе! Я не пустословил!
18. О Джуджу, являющийся в Анеджи! Я не ссорился из-за имущества!
19. О Уамти, являющийся в месте суда, я не совершал прелюбодеяния!
20. О Манитеф, являющийся в храме Мина, я не совершал непристойного!
21. О Херпуру, являющийся в Имад, я не угрожал!
22. О Шед-Херу, являющийся в Урит, я не гневался!
23. О Пехен, являющийся в Хеха-Джи, я не был глух к правой речи!
24. О Сер-Херу, являющийся в Унси, я не был несносен!
25. О Басти, являющийся в Шетит, я не подавал знаков в суде!
26. О Херефхаеф, являющийся в Тепхет-Джат, я не мужеложествовал!
27. О Кенемтче, являющийся во мраке, я не оскорблял другого!
28. О Инхетенеф, являющийся в Саисе, я не был груб с другим!
29. О Неб-Херу, являющийся в Неджефет, я не был тороплив в сердце моем!
30. О Неб-Аци, появляющийся в Сиуте, я не был болтлив!
31. О Нефертум, являющийся в Мемфисе, нет на мне пятна, я не делал худого!
32. О Тем-Сен, являющийся в Бусирксе, я не оскорблял царя!
33. О Хеи, являющийся в Куне, я не шумел!
34. О Уджи-рехит, являющийся в подворье, я не кощунствовал!
35. О Нехеб-Неферт, являющийся в Нефер, я не надменничал!
36. О Инаеф, появляющийся в Югерт, я не оклеветал бога в городе своем [11, с. 27–29].

В процессе разложения первобытного общества и возникновения классового общества формировались предпосылки становления новой формы социальной ответственности – юридической ответственности.

Институт юридической ответственности возник в период становления государства и права.

Предпосылки юридической ответственности формировались в системе социального регулирования и социальной ответственности доклассового строя, а возникновение ее было подготовлено развитием социальной ответственности.

История государства и права всех народов свидетельствует о том, что важнейший источник (точнее – способ) формирования права – это санкционирование первобытных обычаев. Не случайно нормы обычного права обозначаются в римском праве термином *mores maiorum* – обычаи предков.

Учение о происхождении обычного права имеет свою историю. Римские юристы объясняли сущность и происхождение устного обычного права и писаного законодательства одинаково. В республиканский период нормативность писаного закона признавалась соглашением народа, выраженным в голосовании. Нормативность обычного права признавалась тоже соглашением народа, но выраженным без голосования, молчаливо. Эти концепции происхождения обычного права без существенных изменений и отклонений сохранились вплоть до начала XIX в., когда историческая школа юристов пересмотрела этот вопрос. Один из основателей этой школы, Пухта, отмечал, что источником обычного права является народное правосознание, которое считалось проявлением народного духа, а в народном духе якобы мистически заложены идеи права. Представление о народном духе как о мистическом носителе идеи права вскоре было оспорено. В XIX в. были распространены две точки зрения по вопросу о происхождении обычного права. Одна из них называлась теорией стихийного образования обычая, вторая – теорией первоначального индивидуального творчества. По первой теории, лежавшее в основе обычного права однообразное, массовое поведение людей складывается стихийно и инстинктивно. Представители другой точки зрения отмечали, что однообразное поведение складывается не стихийно, а путем первоначальной деятельности отдельных, более сильных индивидов, которым затем подражала остальная масса.

Примитивный характер производства материальных благ обуславливал простоту связей между людьми, между человеком и обществом и четкий механизм нормативного регулирования. Единственным регулятором общественных отношений был обычай, и его соблюдение обеспечивало внутри рода необходимый порядок. Характерная особенность обычаев состояла в том, что они создавались непосредственно обществом, соблюдались добровольно, выражали и защищали интересы всех членов рода. В случае нарушения обычаев «все вопросы решают сами заинтересованные лица и в большинстве случаев вековой обычай все уже урегулировал» [12, с. 98]. Поэтому первобытный строй не мог еще обрести государственных признаков, а обычай – юридических.

Возникнув, обычаи проходят длительный процесс развития. По мере прогресса человеческого общества усложняются общественные связи, отношения между индивидами, между человеком и обществом. Все это приводит к появлению новых обычаев, которые шире по объему и глубже по содержанию регулируют общественную жизнь.

Формирование обычая является длительным и сложным процессом. Обычаи складываются на основе многократного применения и повторения фактических отношений.

Возникнув, обычай живет долго, порой целые исторические эпохи, и имеет консервативный характер.

Новый общественный строй переносит из прошлого многое, использует и опирается на ранее достигнутые результаты. Важная роль в этой объективной закономерности принадлежит обычаям. Благодаря обычаям, общество получает от предыдущих поколений не только материальные ценности, но и воспринимает их культуру, быт

и другие духовные богатства.

Исторический правовой обычай был первым источником права, регулировавшим общественные отношения в «родившемся» из первобытно-общинного строя государстве. Первые законодательные акты, принятые государством на ранней стадии его развития, представляли собой свод обычаев, действовавших еще в родовом строе.

Марксизм объясняет трансформацию обычая в закон в неразрывной связи с экономическим развитием общества. Подчеркивая это очень важное положение, К. Маркс говорил: «...господствующая часть общества заинтересована в том, чтобы возвести существующее положение в закон и те его ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные ограничения» [12, с. 356]. «При патриархальном строе, при кастовом строе, при феодальном и цеховом строе разделение труда в обществе совершалось по определенным правилам. Были ли эти правила установлены неким законодателем? Нет. Вызванные к жизни первоначально условиями материального производства, они были возведены в законы лишь гораздо позднее» [12, с. 153].

Родовой строй не знал, что такое право и обязанность в юридическом смысле слова. Ф. Энгельс, характеризуя первобытно-общинный строй древних индейцев, писал: «Для индейца не существует вопроса, является ли участие в общественных делах, кровная месть или уплата выкупа за нее правом или обязанностью; такой вопрос показался бы ему столь же нелепым, как и вопрос, является ли еда, сон, охота – правом или обязанностью?» [12, с. 159].

Правила поведения, сформированные и закрепленные в обычаях, осознавались первобытным человеком как непреложные правила, нарушение которых влечет за собой тягчайшие последствия. Большинство социальных норм доклассового строя рассматриваются одновременно как обычаи и как нормы морали, нравственности и как веления первобытной религии. Разделение на чисто нравственные или религиозные нормы и на обычные нормы здесь невозможно.

С возникновением классов и государства часть обычаев была трансформирована в право. Обычное право, так же как и государство, в своем развитии постепенно обнаруживает классовый характер – оно выражает волю господствующего класса. Возникшее в классовом обществе обычное право стало глубоко отличным от обычаев первобытного строя. Вместе с тем в обычном праве долгое время сохраняются пережитки первобытно-общинного строя. Так, например, государство придает силу закона многим обычаям, существовавшим в родовом обществе, – обычай кровной мести, талион и т. д.

Разделение социальных норм на обычные, нравственные и религиозные при исследовании обычая затруднительно. Например, кровная месть есть право каждого, вместе с тем и его обязанность. Кровная месть существовала у всех народов мира с самых древнейших времен.

Какими причинами было вызвано отмирание мести? Месть господствовала в период первобытно-общинного строя. Вместе с расслоением первобытного общества и ослаблением кровных связей ослабевала и месть. Месть была религиозным долгом, следовательно, она могла существовать до тех пор, пока была в соответствии с религиозными воззрениями и должна была отмереть тогда, когда религия осуждала и запрещала ее. Такой религией была христианская, утвердившаяся в Древней Руси в конце X в. Заключение брака до принятия христианства являлось частным и светским делом, а христианство превратило этот акт в таинство. Воровство в племенных обществах считалось вопросом, подлежащим разрешению между обидчиком и обиженным. Между тем ветхозаветная религия возвела «не укради» на пьедестал божественной заповеди. Церковь учила не проливать кровь, с появлением государства законом запрещался обычай кровной мести, но фактическое уничтожение кровной мести в феодальном обществе оставалось утопией.

В своем зарождении институт мести не имел никакого отношения к государству и праву. В его основе лежали общественные отношения первобытного строя. Возникновение и развитие кровной мести в истории человечества характеризуется как социальное, а не биологическое явление.

После нескольких тысячелетий существования кровная месть постепенно стала ограничиваться. По мере развития производительных сил и обмена у всех народов месть постепенно заменяется выкупом. Лишение жизни, нанесение телесных повреждений, уничтожение имущества и различные межплеменные конфликты стали рассматриваться как причинение материального ущерба. Это вызвало появление композиций.

Кровная месть оставалась обычаем до тех пор, пока не потребовалось ее ограничить и отменить правом. Но это стало возможным не ранее, чем вещи приобретали характер имущества, что позволило использовать их в качестве эквивалента нанесенного вреда и меры искупления. Факты свидетельствуют о том, что оскорбление, ранение, лишение жизни человека, известные задолго до появления государства и права, оставались делом пострадавших, частной расправы в течение определенного времени и после того, как возникли государство и право.

Отмечая обязанность членов рода оказывать друг другу помощь и защиту, Ф. Энгельс писал, что писаная история «показывает нам одни лишь обломки этого обычая; римское государство сразу выступило на сцену как такая могущественная сила, что право защиты от нанесения зла перешло к нему [12, с. 122].

В период возникновения государства процесс становления ответственности, которая с XVIII–XIX вв. именуется уголовной, носил противоречивый характер. Так, в Древнем Египте существовала каста воров. Все горожане должны были регистрироваться в особых списках, где указывались источники их существования; это касалось и воров. Был и старшина касты, у которого каждый вор должен был встать на учет и сдавать ему все наворованное.

Пострадавший подавал старшине список украденных у него вещей с указанием дня и часа их похищения. Таким образом, похищенные вещи легко можно было найти, и старшина касты воров возвращал их пострадавшему после уплаты им одной четверти их стоимости, что составляло доход вора [13, с. 426–427].

В те древние времена по современной терминологии уголовное право и уголовная ответственность в определенном смысле брали на себя роль права вообще, стимулировали процесс укрепления государства.

В литературе дискуссионным остается вопрос о времени возникновения, генезисе и исторических формах государства и права. Большинство марксистских исследователей придерживается мнения, что данные феномены существуют с момента образования классов. Что касается представителей зарубежной политико-правовой доктрины, то многие из них признают существование политических организаций и правовых систем уже в доклассовом обществе. Существование права со времен неолитической революции до становления классовой организации обосновывают и правоведы [14, с. 65–66, 72].

Известно, что в первобытном обществе совершались общественно опасные действия – насилие, воровство и др. Не потому ли понятие кражи определялось в законах раньше, чем понятие собственности, а отношения, возникающие при займе, фиксировались на тот случай, если взятый не хочет отдать.

На наш взгляд, отдельные признаки юридической ответственности, как и признаки государства и права вообще, формировались не одновременно, а в течение длительного периода существования доклассового общества.

Как известно, переход от материнского рода к отцовскому происходил в новом каменном веке (неолите). В Европе и Азии памятники неолита имеют возраст

в 5–7 тысячелетий, в странах Ближнего Востока период неолита более древний, но по масштабам истории человечества это не столь далекий период.

Когда избыток сельскохозяйственной продукции позволил нанять и эксплуатировать работников, началось господство мужчин над женщинами, произошел переход к патриархальному родовому строю, который совершил переворот в нравственных отношениях, воззрениях и нормах.

Как отмечает известный американский психолог Э. Фромм, победа в человеческом роде мужского пола над женским была обусловлена экономической властью мужчин и созданной ими военной машиной [15, с. 198].

В обществе, вследствие возникающей частной собственности на домашних животных и землю, все более проявляется имущественное неравенство: с одной стороны, возникают богатые патриархальные семьи, родо-вая знать, с другой – увеличивается число бедных. Общество еще не создало государство, но знать принимает меры для его создания, и вместе с этим наступает предыстория права и юридической ответственности. В этой связи представляет интерес авеста – свод священных, обычных и юридических норм древних ариев.

Становление юридической ответственности у Ариев. Об ариях вновь заговорили не так давно в связи с открытием города-храма и обсерватории, оставленных ариями примерно 5 тыс. лет назад. Место этих сооружений обнаружили в июне 1987 г. при слиянии речек Карабанки и Утяганки в урало-казахском регионе. Название древнего города Аркаим связывается с именем первого правителя ариев. Всего насчитывают свыше дюжины ветвей арийского древа, а местом проживания древних ариев считают, помимо Ирана, также Персидскую державу, Индию и Китай.

До нас дошли две редакции Авесты. В первой она предстает сборником молитв на так называемом сакральном авестийском языке и алфавите. Эти молитвы и сегодня читаются зороастрийскими (парсийскими) священниками при богослужении.

Вторая редакция предназначена не для чтения, а для систематического изучения.

Время создания Авесты относится к периоду перехода древнеиранских племен к оседлому образу жизни, а также обособления иранских племен от индийских, скифо-сарматских и других индоевропейских народов. Еще до раздела индийских и иранских ариев сложился культ Митры (божества договора), сложилось понятие истинного порядка (авест. – аша, древнеперс. – арта, древнеинд. – рта). В Авестийском писании нашли выражение идеи необходимости обеспечивать мирные условия существования оседлого скотоводства и земледелия под началом сильной власти и путем решительной борьбы с соседями-кочевниками, а также проповедь единобожия, необходимости и святости постоянной борьбы с врагами, борьбы добра со злом, правды с ложью.

Общинный земледельческий быт породил расслоение на владельцев движимого и недвижимого имущества, имущественный обмен дал жизнь договорным формам – устным, ритуальным (с рукопожатием) и др. За неисполнение договора полагалось телесное наказание ударами шипом (за обман в устном соглашении в два раза меньше, чем в договоре с рукопожатием). Обязательства подкреплялись клятвой, договоренность почиталась высоко – она обязывала к верности, которая одинаково признавалась не только для праведника, подчиняющегося религиозному закону, но и для злодея.

Древние иранцы считали, что существует закон природы, согласно которому солнце движется равномерно, равномерно происходит смена времен года и тем самым обеспечивается порядок в окружающем мире. Этот закон известен индоариям как рта (в авестийском языке ему соответствует слово аша). Считалось, что аша руководит поведением человека; таким образом, аша воспри-

нимался в двойном значении – как порядок в вещественном мире и как справедливость, истина и праведность в добродетельном поведении людей. Добродетель считалась принадлежностью естественного порядка вещей, а порок, зло и ложь – нарушением такого порядка.

Различались торжественная клятва, по которой человек обязывался делать или не делать что-либо, совершить поступок и т. д., а также соглашение или договор, по которому две стороны договаривались о чем-либо. В обоих этих случаях считалось, что в произнесенной клятве-обещании таится сила. «Эта сила считалась божеством, которое будет содействовать и поддерживать человека, верного своему слову, но оно не поразит жестоко лжеца, нарушившего слово».

Среди преступников различали виновников в приобщении верующего к другой вере, в причинении вреда побоями, в мужеложстве, в действиях против собаки, охраняющей стада и дом. Особо почтительное отношение проявлялось к огню, воде и земле; полагалось оберегать их чистоту больше, чем чистоту собственного тела. В брак вступали по договору с 15 лет, возможен был также «брак внутри родни». Преждевременное прерывание беременности воспрещалось – наказывали мать и отца ребенка и бабу, сделавшую аборт. Преследовались также и иные преступления против нравственности, сокращавшие рождаемость детей (мужеложство, проституция), и, напротив, проявлялась терпимость к кровосмесительным бракам с матерью, сестрой или дочерью.

Сурово преследовался отказ – по скупости или жадности – в справедливой просьбе. Скупого человека считали «вором испрашиваемой вещи». Судебное разбирательство было прерогативой общины, особую роль выполняли при этом учителя закона (жрецы), судьи закона. Процедура разбирательства начиналась с произнесения формулы, которой признавалась существующая в законе обязывающая и справедливая сила предписаний.

Разбирательство сопровождалось чтением молитв, произносимых в определенном виде в следующих случаях: по делам лиц, подлежащих прощению; по делам подлежащих смертной казни; молитвенная формула при очищении оскверненного.

Имеются мнения о том, что почитаемая российскими духоборами в качестве святого писания «Животная книга» описывает центр мироздания в полном соответствии с древнейшей арийской традицией, зафиксированной в древнеиндийских Ведах и в Авесте.

После открытия в 1987 г. на Урале древнего поселения Аркаим последовали открытия похожих городов-обсерваторий в Прибалтике, на Севере, в Печорах, в Сибири, на Востоке, в Крыму и на Кавказе. Это дало основание предположить, что арийская цивилизация, восходящая к 3-му тысячелетию до н.э., была матерью 15 народов, разошедшихся по всей индоевропейской (евразийской и афроевразийской) территории, охватившей своей культурной активностью все северное полушарие [16, с. 125].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зыбковец В.Ф. Происхождение нравственности. М.: Политиздат, 1974. 132 с.
2. Рогинский Я.Я. Проблемы антропогенеза. М.: Высшая школа, 1969. 264 с.
3. Морган Л. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л.: Из-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. 198 с.
4. Золотарев А.М. Родовой строй в первобытной мифологии. М.: Наука, 1964. 328 с.
5. Фрейд З. Тотем и табу. М.: ГИЗ, 1923. 315 с.
6. Алексеев С.С. Проблемы теории права. В 2 т. Т. 1. Свердловск: Свердлов. юрид. ин-т, 1972. 396 с.
7. Бородай Ю.М. К вопросу о социально-психологических аспектах происхождения первобытнородовой общины // Принцип историзма в познании социальных явлений. М.: Наука, 1972. С. 43–53.
8. Пеньков Е.М. Социальные нормы – регуляторы поведения личности. М.: Мысль, 1972. 198 с.
9. Джерри Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь. М.: Вече, 1999. 543 с.
10. Живописная Россия. Кавказ. Т. 9. М.: Т-во М.О. Вольф, 1888. 232 с.
11. Антология мировой правой мысли. Т. 1. / под ред. Л.А. Морозова. М.: Мысль, 1999. 829 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. XXI. М.: Политиздат, 782 с.
13. Эберс Г. Уарда. М.: Правда, 1981. 432 с.
14. Черных Е.Н., Венгеров А.Б. Нормативная система в структуре древних общин // Причины превращения первобытного общества в рабовладельческое и феодальное. М.: Мысль, 1984. С. 65–67.
15. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990. 238 с.
16. Гальперин С.Д. Очерки истории первобытного права. СПб.: Н.К. Мартынов, 1893. 304 с.

THE ORIGINS OF LEGAL LIABILITY

© 2016

R.L. Khachaturov, doctor of law, Professor, Professor of the Department “History of state and law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: responsibility; traditions; morality; religion; taboo; blood feud; customary law; law.

Abstract: Considers the conditions of the origin of moral responsibility and legal responsibility types of social responsibility in the process of emergence and development of human society. The characteristic of the taboos and customs of the tribal system, the transformation of customs in the common law. In connection with the emergence of religious responsibility is the text of the book of the dead, providing for the afterlife court, which established guilt and punishment of the deceased. The first legislative acts adopted by the government at an early stage of its development, represented the customary laws of the tribal system.